

И. Н. ЛАРИОНОВ „Псков Древний“. Сборник „На берегах Псковы и Великой“, изд. „Псковский колхозник“, Псков, 1939 г.

К советским историкам предъявлено серьезное требование — дать советскому читателю добросовестные книги и статьи по истории.

Более пяти лет назад товарищи Сталин, Жданов и Киров в „Замечаниях по поводу конспекта учебника по „Истории СССР“ напомнили историкам о большой ответственности за любую историческую работу. К сожалению, до сих пор еще не вывелись „историки“, искажающие исторические факты.

Примером крайне небрежного отношения к историческим фактам является статья И. Н. Ларионова „Псков древний“. На 14 страничках текста автор ухитрился нагромоздить не менее 75 ошибок. Мы не говорим уже о том, что вся статья в целом трактует о всем и ни о чем.

Достаточно сказать, что из этой статьи, дающей общий очерк истории Пскова от неолита до Петра I, не понять даже, о каком же в сущности типе производственных отношений идет речь — даже слово феодализм в ней не встречается. Автор совершенно не сообщил о том, кому же в Пскове принадлежали средства производства — земля, леса, воды.

Нет никакой возможности в небольшой заметке вскрыть, или даже просто перечислить все ошибки. Поневоле приходится ограничить себя и сказать только о некоторой их части.

Автор вполне серьезно думает, что в XV—XVI веках псковский государственный строй был передовым (стр. 10). Это представление, заимствованное от Костомарова и других буржуазных историков, в корне противоречит указаниям классиков марксизма на прогрессивное значение абсолютизма в средние века¹.

Ошибочен и вреден заголовок „Зарождение атеизма в Пскове“ над рассказом о ереси „стригольников“ нач. XIV века.

Тов. Ларионов наивно думает, что эта типичная средневековая бюргерская ересь была атеистической. Если согласиться с ним, то баптистов придется считать уже вполне законченными атеистами. Перечисляя, что же именно отрицали в православии стригольники, автор приписывает им то, о чем они даже подумать не посмели бы. Зато ни одним звуком не упоминает о том, что Энгельс видел

революционного в ересь средневековья. Между тем, только ради этого, а не ради выдуманного атеизма, и стоило вспоминать о стригольниках. Под заголовком „Народное восстание“ автор в нескольких фразах пытается рассказать о событиях начала XVII века в Пскове. Он, например, сообщает, что цари „привлекали“ бояр на свою сторону „для поддержания своего престижа“ (!); городского жителя трепца Кудекушу, вождя восставших мелких людей, превращает зачем-то в „крестьянина льновода“; приклеивает ярлык „предателя родины“ патриарху Гермогену; выдумывает восстание в Пскове в 1611 году; неурожай 1601—1603 гг. почему-то передвигает на период после 1611 года.

В качестве другого примера того, как небрежно относится автор к фактам, отметим страницу, озаглавленную „Псков в составе русского государства“.

Автор пишет, что кн. Репня-Оболенский „отказался от традиционного обычая — посадение на Псковский престол“. Зато летописец¹ говорит, что его „посадили на княжение“, т. е. как раз наоборот.

„Неслись жалобы в Москву на высокомерного князя“, — пишет автор. Летописец же обвиняет Репню в том, что он „много зла творил“, т. е. речь идет о преступлениях, а не о высокомерии.

„Василий III приказал всем недовольным князем явиться в Новгород“, — сообщает автор, между тем летописец говорит об „обидных людях“, т. е. обиженных князем.

По словам автора, в Новгород „поехали бояре, посадник, богатые купцы“, летописец же говорит о девяти посадниках, боярах и купецких старостах от всех торговых рядов. Кроме того поехали все жалобщики — „обидные люди“.

По словам летописца были арестованы все прибывшие в Новгород, по словам автора — одни делегаты.

Заканчивается страничка настолько нелепой фразой, что ее стоит привести целиком: „Слова — самостоятельность Пскова — надо понимать не как обособленность его от Руси, а в том смысле, что всем своим укладом и государственным строем он был передовым городом как в боевом, так и в культурном отношении, неразрывной частью великого русского государства“.

Под 1480 годом в летописях² рассказывается, как рыцари 5 дней стояли на левом берегу реки Великой на Завелицком поле и на Стефановском лугу, как они на лодках пытались переправиться на правый берег, но были отбиты и потеряли убитыми не то 30, не то 50 человек. После этого рыцари „никим не гоними“ спокойно отошли. Тов. Ларионов об этом событии рассказывает так: „После пятидневного штурма истомленный

¹ Для всех примеров см. Полн. Собр. Русск. Летоп. т. IV, изд. 1848 г., стр. 282 — 288.

² Полн. Собр. Русск. Летоп. т. IV, изд. 1848 г., стр. 264, т. V стр. 39 — 40.

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, том XVI, ч. стр. 445, 450.

неприятель должен был снять осаду. Псковичи дали бой на Стефановском лугу, разбили главные силы и остатки огромной армии преследовали до самой Риги" (стр. 6—7). Разве у русского народа мало действительных подвигов и побед, что надо их выдумывать?

Говоря читателям о выдуманных победах, И. Н. Ларионов умалчивает о действительных подвигах русского народа. На стр. 12—13 он описывает осаду Пскова в 1581—1582 гг. польско-литовскими войсками Стефана Батория. Но как описывает? В данном случае автор так подобрал материал, что он целиком повторяет „объективные“ причины неудачи осады, приводимые польскими историками: на этот раз военные способности Батория оказались не совсем на высоте — поход был организован плохо, войска было мало, было мало пушек, а пороху и снарядов совсем почти не было. Как при таких условиях было взять Псков, где было много защитников, пушек, пороху, боевых припасов, продовольствия?

Для показа же героизма русского народа у автора в данном случае нашлась одна казенная строчка без единого факта.

В заключение необходимо остановиться на нескольких таких ошибках, какие не имеет права делать даже ученик III—IV класса.

Всем хорошо известно, что рыцари были разбиты Александром Невским у Вороньего камня, а не у Вороньего острова (стр. 4).

Вопреки утверждению автора (стр. 6), известно, что псковичи не участвовали в Шелонской битве 1471 года, т. к. они находились в это время в 100 километрах от места боя. Известно, что вече не „избирало“, а „приглашало“ князя. В компетенцию веча не могло входить „передвижение войск“ (стр. 8), т. к. невозможно даже и представить, чтобы войсками можно было руководить из Пскова, да еще по вечевым постановлениям. Наконец, на стр. 17 тов. Ларионов сообщает, что в начале XVIII века „устье великой русской реки Волги не принадлежало России“.

Мы далеко не исчерпали всего количества ошибок и извращений и можно бы указать еще много примеров безответственного отношения к истории со стороны автора статьи „Псков древний“.